

ФИЛОСОФИЯ В ТОЧКЕ РОСТА¹

Н. И. МАРТИШИНА

Новая книга Людмилы Артемьевны Марковой представляет интерес для читателя с нескольких точек зрения. Во-первых, проведенный в ней многосторонний анализ философии Ж. Делёза – через логику его текстов, через категориальную сетку – даст читателю многое для понимания и Делёза, и постмодернизма вообще. Во-вторых, для тех, кто ценит работы В.С. Библера и в целом считает важным делом использование и развитие лучших традиций отечественной философии, будет интересным обнаружить творческий потенциал диалогии Библера в применении к тем проблемам, которые он напрямую не ставил, но которые актуальны для сегодняшнего дня. Наконец, выделенные в книге в качестве фокусных проблемы – сущность и специфика философствования, методология историко-философских и науковедческих исследований, конструирование знания и проблема истины, трансформация субъекта познания и участь Бога в современном мире – обладают настолько широким значением, что привлекут внимание практически всех. Особенно хочется отметить важность книги для тех, чьи ин-

тересы связаны с философией науки. Распространено мнение, что у постмодернизма вообще нет философии науки, и действительно, для постмодернистов не характерно видеть в науке самостоятельный объект исследования. Большая же часть книги Л.А. Марковой посвящена постановке науковедческих проблем и, часто, возможностям их решения на основе интерпретации работ Делёза, установлению параллелей между его идеями и ключевыми интенциями современной науки и философской рефлексии над ней.

Поскольку одной из важнейших категорий в работе Л.А. Марковой является понятие диалога, хочу сразу же сказать, что наиболее яркой чертой книги представляется мне ее внутренняя диалогичность. Книга изобилует параллелями между философскими концепциями, внешне разобщенными, не связанными друг с другом. В такой переключке идей не только высвечивается собственное содержание концепций, но и проблемы получают неожиданное разрешение: выйдя из русла концепции в пространство ближайших к ней позиций, ничего принципиально нового не увидишь, и

¹ Маркова Л.А. Философия из хаоса. М., Канон+, 2004.

дистанцированность в этом плане оказывается более выигрышной.

Книга начинается с того же, с чего начинает Делёз и что является отправной точкой всякого философствования – с вопроса «Что такое философия?». В качестве универсальных определителей философии у Делёза и Гваттари выделены понятия концепта, плана имманенции и концептуального персонажа. Концепт – *Единое* у Платона или *cogito* Декарта – является актом философского мышления, план имманенции задает тип мышления, концептуальный персонаж выступает как выразитель авторского плана имманенции, идеализация философа. И план имманенции, и концепты, и концептуальный персонаж, с одной стороны, образуют некоторое единство, с другой – имеют определенность лишь при условии существования некой альтернативы. Отсюда возможность взгляда на историю философии как на смену планов имманенции, не являющихся логическим продолжением или снятием друг друга, как на «географию философии» вместо ее «истории», поскольку создаются «территории» философствования, между которыми существуют границы, но нет связующей доминирующей закономерности и временной последовательности. План имманенции возникает на границе бытия и мышления. «Любой план имманенции создается из ничего... Потом, когда он уже создан, он вписывается в историю, вместе с концептами, которые сотворены в его перспективе, но только потом»². Параллель идеи, позво-

ляющей и вписать философию в историю, и представить ее как внеисторический феномен, протянута от Библера и Делёза к Гегелю и Хайдеггеру: философское мышление всякий раз начинается как бы заново, с чистого листа, и тогда необходима среда, в которой оно вновь и вновь рождается – возможностный мир Библера, хаос Делёза, бытие Хайдеггера. Развернутая здесь идея о необходимости для философии Делёза Единого (может быть, в новой форме) позволяет, сохранив принципиальную идею рождения философии из хаоса, избежать опасности хаоса (как полного господства случайности) в философии. Первая часть работы Л.А. Марковой задает особенную тональность всей книге: выявляя логику рассматриваемых концепций и бережно, органично ее реконструируя, автор всегда обнаруживает при этом и ее границу, и получает таким образом точку рефлексии, неимманентную предмету анализа и потому эвристичную. В результате возникает диалог, в котором рождается многоплановость видения.

На следующем этапе в центре рассмотрения оказывается проблема начала философии, и среди обсуждающих ее выделяется «голос», который на некоторое время становится ведущим – диалогика В.С. Библера. Библиер представлял сосуществование философских систем как диалог возможных логик, где предметом спора (и, соответственно, пунктом самоопределения каждой философии) выступает исходное определение

² Там же. С. 52.

бытия. Параллель Л.А. Маркова видит в том, что как и Библер, Делёз стремится осмыслить безосновное, внелогическое исходное бытие – в обоих случаях поставленная задача включает в себе парадокс; различие состоит в том, что Библер стремится именно к логическому осмыслению, а Делёз ориентируется на специфическую логику стоиков и Л. Кэррола. Это ведет к различиям в категориальном строе и содержательном развертывании концепций, но при этом все время выявляются их «прорывы» друг к другу. Не знаю, стремился ли автор к обеспечению паритета (мне показалось, что некоторый перевес остался на стороне Делёза), но в любом случае взаимоперекликающееся движение этих двух концепций в одном направлении увлекает больше, чем монолога.

Представленная в первых двух главах характеристика возникновения философии как относительно индетерминированной и вариативной, авторской концептуализации реальности позволяет соотнести тенденции развития философии и науки XX в. Здесь обнаруживается ситуация, обратная традиционному взгляду на философию как недостаточно научную область знания, не дотягивающую до эталона, ориентированного на естествознание: черты, проступающие в философии, оказались ориентирами трансформации науки и представления о ней. Конструирование знания, одушевление предмета исследования, размывание полярности субъекта и предмета, принципиальная недостаточность оснований нового знания, возникающего в научной

революции, его зависимость от «слабых» и «случайных» факторов, эволюционная временная асимметрия событий – это компоненты исследовательских программ науки и науковедения рубежа XX–XXI вв. Возникновение порядка из хаоса оказалось не только изучаемым процессом, но и моделью роста самого познания. Философия, наука, искусство возникают из хаоса разными способами, и сравнение этих способов позволяет обнаружить подлинную их природу.

В контексте отмеченных изменений одной из ключевых проблем эпистемологии на рубеже веков оказывается проблема истины и объективности как ее характеристики. Этой теме в работе Л.А. Марковой уделено определенное внимание, но надо сказать, что здесь впервые у меня как у читателя возникло ощущение недосказанности. Речь идет о тенденциях, в результате которых понятия истины и объективности сходят на нет, «как бы преодолеваются»; на мой взгляд, не менее важно было бы узнать, каким образом они все-таки сохраняются и, перестав быть реальными характеристиками научной деятельности, выживают как ее ориентиры. Вряд ли вывод об «утрате интереса к истине со стороны ученых» исчерпывает тему. Впрочем, отчасти эта тема раскрывается в последующих главах, интересных также соотношением «логики смысла» Делёза и некоторых апорий (в буквальном значении – логических тупиков) экстерналистски ориентированных исследователей науки конца XX в. Погружение последних в социоло-

гический контекст (о котором много интересного было сказано в предыдущей книге Л.А. Марковой «Конец века — конец науки?») привело к логическому пределу — к требованию включения в исследование оснований научной деятельности всех обстоятельств жизни лаборатории, привело к утрате понимания. «Социальный контекст не может быть основанием научной деятельности, если он не отличим от нее, срастается с ней... если его элементы беспорядочно перемешиваются с элементами научной деятельности и научного знания»³. Общий принцип, развитый выше, — основание должно отличаться от обосновываемого — позволяет получить четкую и убедительную оценку. Понимание невозможно без различения важного и неважного, значимого и периферийного. Логика Делёза переворачивает привычное отношение, трактуя поверхность как глубинное, но тем самым она спасает исходный принцип и возможность исследования.

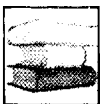
Значимо и выделение новой оценки сущности и позиции субъекта познания как узлового пункта нового образа науки, переход к которому произошел в середине XX в. В данном случае уже отмечавшаяся выше тенденция к переориентации научного знания в целом на гуманитарный эталон познания, к освоению естествознанием многих черт, традиционно рассматривавшихся как специфические особенности гуманитарного знания, раскрывается в

новом аспекте. Л.А. Маркова обсуждает эту проблему и применительно к ситуации выдвижения новой парадигмы, и в контексте повседневной научной деятельности, и в общем плане, откликаясь на обсуждающийся сейчас в отечественной философии вопрос о том, не следует ли вообще отказаться от категории субъекта познания как фиксирующей традиционно абстрактное гносеологическое отношение. Представляется конструктивной развитая в работе трактовка понятия «наблюдатель» (вслед за «частичным наблюдателем» Делёза и Гваттари) как одной из идеализаций субъекта познания, адекватной современным представлениям философии науки. Изначально одним из аспектов обоснования роли субъекта в познании выступала как раз отсылка к влиянию наблюдателя; автор поддерживает разграничение этих понятий и пишет: «В новой науке о хаосе наблюдатель вытесняет субъекта из рассуждений о науке... Не будучи субъектом, наблюдатель не принадлежит социуму, культуре, научному сообществу, коллективу лаборатории. А потому его наблюдения, ощущения, восприятия нельзя считать субъективными и лишаящими знание его объективных характеристик»⁴. Это разграничение придает не только терминологическую точность, но и содержательную определенность предложенному решению проблемы.

Обладает самостоятельной ценностью анализ методологии case studies, осуществленный в книге,

³ Там же. С. 198.

⁴ Там же. С. 257–258.

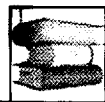
но даже более интересными оказались авторские выводы, полученные при включении этой методологии в более широкий контекст. Как показывает Л.А. Маркова, методология *case studies*, которая по замыслу должна была привести к полноте обнаружения детерминации научного открытия и роли коммуникации в науке, на самом деле ее теряет, растворяя саму науку в повседневном быте людей, именующих себя учеными, и их окружения; но переворачивание этой ситуации с оценкой, противоположной той, которую дала К. Кнорр-Цетина, определяет возможность выхода на новый уровень понимания. Л.А. Маркова создает образ рождения науки из хаоса переплетения частных когнитивных, социальных и психологических моментов повседневной жизни в лаборатории. Наука предстает как феномен, не имеющий субстанциальной определенности, а возникающий во взаимодействии, своеобразная виртуальная реальность (если определять виртуальное как существующее не в качестве самостоятельного объекта, а как порождаемое взаимодействием объектов определенного типа и обладающее при этом устойчивостью), «коммуникативная реальность» (т.е. существование, поддерживаемое процессами коммуникации). Порождение коммуникативных реальностей представляет собой, по-видимому, основной механизм культуротворчества; здесь этот вывод сделан применительно к науке. Методология проведенного автором восхождения от утраты науки к схватыванию ее генезиса не на уровне внешней аналогии, а каким-то

глубинным образом отвечает логике Делёза: глубокое находится на поверхности, а точнее, поверхность оказывается самым глубоким.

Возвращаясь после всего сказанного к проблеме рождения философии из хаоса, Л.А. Маркова рассматривает еще одну возможность. Всякая философская система нуждается в начале, которое должно выступить ее исходным пунктом и в то же время остаться основанием, лежащим вне нее. Исследование отношения Делёза к этому вопросу выглядит как интерпретация отрицательного результата эксперимента. По оценке автора, Делёз в попытке (может быть, неявной) преодолеть внутреннюю аксиоматичность философских систем ставит Бога, человека и мир – три основных предмета и возможных основания метафизики – в один ряд как выводимых по отношению к смыслу; но смысл сам предстает как результат пульсации недифференцированной глубины, Бездны, и, таким образом, основание, неподвластное логике философской системы, возвращается в нее.

Глава, композиционно завершающая работу, посвящена заключительному обзору основных понятий философии Делёза, понятия и образ философии Делёза в целом приобретают особую определенность.

Для меня в этой заключительной части работы остался не вполне ясным один момент. При чтении предыдущих разделов у меня сложилось впечатление, что понятие научной революции достаточно органично вписывается в вырисовывающуюся систему;

здесь же автор высказывается более решительно, утверждая, что это понятие становится неработающим, ненужным и фактически исчезает из рассуждений философов, историков и социологов⁵. Но не вполне понятно, почему, собственно, момент рождения новой парадигмы (или даже плана имманенции – для философии) как бы «на пустом месте», без прямой преемственности с предыдущим знанием не может быть обозначен как научная революция? Можно утверждать, что это не противоречит взглядам Т. Куна, его идее несоизмеримости концепций, принадлежащих к разным парадигмам (выражаясь языком Делёза, связанных отношениями соседства, а не последовательности), его движению после выхода «Структуры научных революций» к идее микрореволюций, связанных, может быть, с каждым крупным ученым. Обозначенный в книге вопрос «А как же быть с объективностью, необходимостью результата, ведь вода всегда в нормальных условиях кипит при температуре 100°?» нефатален для Куна: для него любой эмпирический факт – это элемент, который может быть вмонтирован в раз-

личные картины мира и приобретает при этом разное значение. Когда «совокупность линий, которая ранее складывалась в утку, складывается в кролика», любой штрих обретает новый смысл, оставаясь при этом тем же самым.

Отмечая и интересный материал, представленный в книге, и глубину авторского анализа широкого круга актуальных вопросов, и точнейшую меру соединения логики источников с логикой проблем, хочу подчеркнуть еще одно обстоятельство. Книга Л.А. Марковой очень современна, она принадлежит к самому переднему краю роста философии сегодня. Читая в последние годы курс истории философии, методологии науки (в разных комбинациях) и рассказывая о структуре науки, формах организации научного знания, научных революциях и т.д., я время от времени ловлю себя на мысли: ну хорошо, это известно, изучено, вошло в учебники, а что же дальше? Книга Л.А. Марковой – из тех, что открывают перспективу, возможность выхода к новому горизонту исследований науки, и за это хочется особенно поблагодарить автора.

⁵ Там же. С. 371.